

ВАРИС ДИРИЕ
КЭТЛИН МИЛЛЕР

Варис | Которая

Не | Умела | Любить

ЦВЕТОК ПУСТЫНИ*

Кэтлин Миллер
Варис Дирие
Варис. Которая
не умела любить
Серия «5 женщин. Правда,
которую нужно рассказать»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66286936

*Варис: которая не умела любить (Цветок пустыни) / Варис Дирие,
Кэтлин Миллер ; [перевод с английского Ю. Сашиковой].: Эксмо;*

Москва; 2020

ISBN 978-5-04-158127-5

Аннотация

Варис Дирие – всемирно известная фотомодель, писательница и посол ООН. История ее жизни шокирует и восхищает одновременно. В возрасте 5 лет она подверглась процедуре обрезания – варварскому обычаю, существующему во многих африканских странах. А в 13 ее должны были выдать замуж за старика. Но Варис пошла наперекор воле отца и сбежала...

Попав в Лондон, она прошла путь от уборщицы и нелегалки до модели высшего уровня и борца за права женщин. Это не

просто биография успешной женщины. Это борьба с нелепыми и жестокими традициями за свою свободу и счастье.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	7
Примечание авторов	11
1. Побег	12
2. Детство пастушка	21
3. Жизнь кочевников	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Варис Дирие,
Кэтлин Миллер**

**Варис: которая не умела
любить (Цветок пустыни)**

Waris Dirie with Cathleen Miller

DESERT FLOWER

Copyright © 1998 by Waris Dirie.

All rights reserved. Published by arrangement with William Morrow, an imprint of HarperCollins Publishers.

© Сашникова Ю., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Предисловие

Книга, которую вы держите в руках, подарит вам знакомство с одной из самых незаурядных женщин нашего времени. Узнав историю ее жизни, сложно поверить, что главная героиня – она же автор – выросла в кочевом африканском племени, а затем несколько лет прислуживала в доме более состоятельных родственников – сначала в Могадишо, столице Сомали, а потом и в Лондоне. Варис Дирие не получила никакого образования и с трудом читает и пишет даже на родном сомалийском языке. Английский она смогла начать учить только через пять лет после переезда в Лондон – в основном общаясь с такими же иммигрантами или британцами африканского происхождения. Но зато от природы Варис наделена живым умом, чувством юмора и смекалкой. Ее образованием стала жизнь в пустыне, и оно подарило ей вещи куда важнее – стойкость, терпение, настойчивость и философское отношение к любым житейским неурядицам. Именно эти качества помогли Варис так быстро освоиться в непривычной обстановке, добиться успеха и в то же время не потерять себя. Успех не вскружил ей голову, и она сохранила способность критически смотреть на мир, и в том числе на себя.

На страницах этой книги вы встретите откровенные описания быта кочевых племен, трезвый взгляд на жизнь англи-

чан и американцев, а также на профессию фотомодели, которой Варис посвятила десять лет. Книга впервые увидела свет в 1998 году и заканчивается назначением Варис специальным послом ООН. Но с тех пор в ее жизни произошли куда более впечатляющие изменения.

После этой книги последовали еще три книги о жизни в Сомали – «Рассвет в пустыне», «Дети пустыни» и «Письмо матери». Книга, которую вы держите в руках, была экранизирована – фильм представили в 2009 году в рамках Венецианского кинофестиваля. Варис стала одним из продюсеров фильма, а главную роль сыграла Лия Кебеде, фотомодель родом из Эфиопии.

Закончив карьеру фотомодели, Варис более шести лет посвятила общественной деятельности в качестве специального посла ООН. Сейчас она – основательница двух фондов, Waris Dirie Foundation, который совместно с ООН работает над проблемой женского обрезания, и «Рассвет в пустыне», занимающегося развитием образования и здравоохранения в Сомали.

Ее благотворительная и просветительская деятельность отмечена на высоком международном уровне. В 2004 году она стала лауреатом премии «Женщины мира», одним из членов жюри которой является Михаил Горбачев. В следующем году она, мусульманка, удостоилась награды от Римско-католической церкви (Премии им. архиепископа Оскара Ромеро за деятельность по защите прав человека). А в 2007

году президент Франции Николя Саркози вручил Варис орден Почетного легиона. Согласитесь, такая невероятная история заслуживает быть прочитанной!

Маме

Я отлично знаю, что человек способен преодолеть любой ураган и бурю только благодаря силе своей воли. Вот почему я посвящаю эту книгу человеку, в чьей силе я никогда не сомневалась и всегда восхищалась, – моей маме, Фатуме Ахмед Аден.

Она смело смотрела в лицо любым трудностям и всегда была примером стойкости и непоколебимой веры для своих детей. Она всегда щедро одаривала своей любовью каждого из двенадцати детей (что уже подвиг) и делилась мудростью, которой не знали даже самые умудренные старцы.

Она часто жертвовала и редко жаловалась. Мы, дети, всегда знали, что она отдаст нам последнее, что имеет – а мы почти ничего не имели. Ей знакома боль от смерти ребенка, но все же она не сломилась и сохранила силы, чтобы бороться за жизнь остальных детей. Ее внешняя и внутренняя красота, богатство души стали настоящей легендой.

Мама, знай, что я невероятно тебя люблю, уважаю и преклоняюсь. Благодарю Аллаха за то, что он подарил мне в матери именно тебя. Я ежедневно молюсь, чтобы он даровал мне столько же сил и мудрости, чтобы вырастить таким же достойным собственного ребенка.

Примечание авторов

«Цветок пустыни» – правдивая истории жизни Варис Дире. Все описанные события реальны и основаны на рассказах самой Варис. Все действующие лица реальны, но большинство из них появляются в этой книге под вымышленными именами из уважения к частной жизни.

1. Побег

Из сна меня выдернул какой-то странный звук – открыв глаза, я поняла, что лежу практически нос к носу со львом. Усталость и голод притупили чувство самосохранения, да и как бы я могла спастись? Бежать, карабкаться на дерево? На своих подгибающихся ногах я бы и подняться не успела, как мощная лапа сбила бы меня с ног. Я тяжело облокотилась на дерево, в тени которого отдыхала от полуденного зноя африканской пустыни, и закрыла глаза, ощущая лишь жесткую кору на своем затылке и дыхание льва.

«Вот и все, – подумала я. – Мой путь окончен. Аллах, я готова». Теплая волна спокойствия разлилась по моему телу – наконец я освобожусь. Я открыла глаза и посмотрела прямо ему в глаза:

– Ну же, давай. Подойди и убей меня.

Этот лев был великолепен – грациозный, гибкий, с золотой гривой. Настоящий царь зверей. Такие, как он, с лету сражают антилопу или зебру. Хватило бы одного удара мощной лапы, чтобы выбить всю жизнь из моего тщедушного тела.

– Давай, кусай!

Лев не отрывал от меня взгляда – как и я от него. Для меня в этот миг существовали только его черные широкие зрачки. Он жмурился, затем отводил взгляд, облизывался –

но не подходил. В какой-то момент он стал кружить, видимо, хотел оценить привлекательность добычи. Наверное, я его разочаровала, потому что в итоге он развернулся и пошел прочь, в пустыню. Я не вздохнула от облегчения, когда он растворился в песках пустыни, – умереть мне действительно хотелось. Но у Аллаха были для меня другие планы.

Мое странствие началось в тринадцать лет – я сбежала от собственного отца и брака с незнакомым мне стариком. Я родилась в сомалийской пустыне в семье кочевников. О моем плане побега знала только мама, она же мне и помогла. Я думала сбежать в столицу Сомали, Могадишо, к маминой родной сестре. То, что я ни разу не видела ни тетю, ни столицу, ни вообще какой-либо другой город, меня не смущало. Я была ребенком и верила, что случится чудо и все сложится удачно.

К побегу я ничуть не приготовилась – просто однажды ночью меня разбудила мама и сказала: «Пора!» Так, укутанная в легкую накидку, без еды и воды, я убежала в ночную пустыню.

Я даже примерно не представляла, как мне добраться до Могадишо, поэтому просто неслась куда глаза глядят сквозь пустыню. Я бежала всю ночь и день, словно напуганная газель. Вокруг меня расстилались красные пески пустыни, изредка взгляд цеплялся за чахлые кусты акации и верблюжьей колючки. Постепенно мой бег перешел в неуверенные шаги – жажда и голод подточили мои силы. Вот и началась моя

новая жизнь. Что же будет дальше?

Вдруг мне почудилось, что кто-то кричит мое имя: «Ва-а-ри-ис!» Крик повторился – отец! У меня была фора в несколько часов, как он умудрился меня найти? Только потом я поняла, что он просто следовал за следами моих ног на песке. Я была спокойна: я молодая и резвая, отцу ни за что не догнать меня. Тем более он уже почти старик (по крайней мере, мне тогда так казалось). На самом деле ему было чуть больше тридцати.

Вскоре я поняла, что крик отца больше не преследует меня, и решила немного замедлиться. «Главное, – думала я, – просто не останавливаться. Он же должен когда-то устать?» Вдруг я оглянулась и увидела отца совсем близко, за соседним холмом. Он тоже меня заметил, и тогда я рванула что есть сил: быстрее, беги быстрее, Варис! Так мы и бежали, вверх-вниз по холмам, пока я не поняла, что уже очень давно не слышу окликов.

Мое сердце бешено стучало, словно все еще продолжало бежать по раскаленной пустыне. Отдышавшись, я спряталась за куст и прислушалась: тишина. Должно быть, отец потерял меня или решил, что гнаться за мной бесполезно, но я все равно продолжила идти. Теперь я была хитрее и старалась двигаться по каменистым участкам, чтобы не оставлять следов. На пустыню опускалась ночь, но отцу уже навряд ли удастся вернуться домой засветло – он, как и я, будет брести, ведомый звуками стада, смехом детей и перекрикивани-

ем жителей племени.

Пройдя еще один скалистый участок, я решила, что пойду другой дорогой. Какая разница, в какую сторону идти, если не знаешь, где то, что тебе нужно? Я бежала прочь до самой темноты, до последнего луча солнца, скрывшегося за горизонтом. Обессиленная от голода, я рухнула отдохнуть под деревом.

Разбудило меня палящее обжигающее солнце. Только проведя свою первую ночь в пустыне, я поняла, что жизнь теперь моя не будет прежней – я осталась совсем одна.

Я скиталась по пустыне еще много дней. Останавливалась только ночью и в полуденный зной, когда двигаться было совсем невыносимо. Сколько – не знаю, я потеряла счет времени. Единственное, что я ощущала постоянно, – это невыносимый голод, жажду, страх и боль. Но больше всего мне не хватало мамы.

Мне уже ничего не хотелось – я оказалась не готова к свободе такой ценой. Мне не впервой было не есть и не пить несколько дней, но дольше я бы вряд ли протянула. Я ослабла и еле передвигала ноги, ступни потрескались, и каждый шаг причинял мне боль. Я сдалась. Лев казался мне избавлением от страданий. Но он не посчитал меня подходящей добычей. Не знаю, может, его отпугнули мои впалые ребра и щеки? А может, он почувствовал что-то и пожалел меня? А может, это было провидение. Не может же Аллах быть настолько жестоким, чтобы спасти меня ото льва лишь для того, чтобы позже

я умерла от голода. Немного приободренная, я кое-как поднялась и побрела дальше.

И представляете, через несколько минут я набрела на пастбище верблюдов. Я отыскала верблюдицу с молоком и жадно, словно грудной ребенок, прильнула к ее сосцам. Меня заметил пастух, но я была в таком отчаянии, что меня не пугали ни его брань, ни звуки хлыста. Я успела выпить все ее молоко, прежде чем он прибежал, а потом дала деру что есть силы. Пастух только пару раз задел меня хлыстом – я была моложе и куда проворнее его, поэтому вскоре его ругань осталась далеко-далеко за горизонтом.

Жирное молоко верблюдицы вернуло мне силы. Я бежала уверенно и быстро, пока не набрела на какое-то селение. Такого мне раньше видеть не доводилось: там были дома, целые ряды домов из плотно утрамбованной земли! Между домами была широкая улица – по ней я шла, вытаращив глаза и внимательно изучая все вокруг.

– Да что с тобой, ты разве не видишь, где идешь? – окрикнула меня местная женщина. – О Аллах, что с твоими ногами! Ты, должно быть, из кочевья. Сойди с дороги, если хочешь жить, уйди в сторонку!

Я не поняла, в чем дело, и продолжала идти посередине дороги с низко опущенной головой. Но потом меня чуть не сбил грузовик, и все прояснилось. Это была дорога для транспорта. Я шла лицом к автомобилям и заглядывала в глаза каждого водителя, поднимала руку и мысленно моли-

лась, чтобы хоть кто-нибудь мне помог.

В итоге мне удалось остановить один грузовик, но сейчас, даже через столько лет, я очень жалею, что не поверила своей интуиции. Я не горжусь историей, о которой расскажу вам дальше. Но что поделаться, если это случилось?

Этот грузовик перевозил необработанные камни для строительства. В кабине было двое мужчин. Один из них открыл дверцу и по-сомалийски сказал мне:

– Запрыгивай!

– Мне нужно в Могадишо. – Я чувствовала себя абсолютно беспомощной, а внутри все сжалось от необъяснимого страха.

– Я отвезу тебя куда угодно, милая, – ответил он, ухмыляясь рыжей улыбкой. Его зубы окрасил кат – наркотическое растение, широко распространенное в Африке. Я однажды видела, как отец жевал его. Женщинам строго запрещено его употреблять, и неудивительно: он делает человека очень агрессивным и возбужденным.

Подсознательно я чувствовала, что добром все не кончится, но как отказать этим мужчинам, не понимала. Мне велели полезать в кузов – это меня немного успокоило, ведь я буду далеко от водителя. Я устроилась в уголке на гряде камней и укрылась – стемнело, и в пустыне стало прохладно.

Следующая картина – спутник водителя стоит около меня на коленях. Это был самый настоящий урод – дрожь пробирает, когда я вспоминаю его лицо и жуткий плотоядный

взгляд. От такого чудовища сбежали даже волосы – у него была огромная проплешина. Половины зубов у него не было, а от остальных остались покрытые рыжим налетом пеньки. Все это обрамлялось маленькими мерзкими усиками.

К тому же он был очень полным – я поняла это, когда он спустил брюки. В возбуждении он приблизился ко мне и попытался развести мои ноги в стороны.

– Прошу вас, нет, нет!

Я намертво сжала ноги, будто они приклеились. Он стал со мной бороться – все было бесполезно, я не поддавалась. Тогда он размахнулся и со всей дури ударил меня по лицу. Ночной ветер далеко в пустыню разносил мои визги.

– ДА РАЗДВИНЬ НОГИ, СУЧКА!

Он завалился на меня всей своей огромной тушей и вновь ударил меня. Тогда я поняла, что нужно сменить стратегию – силой мне точно его не победить. Этот урод явно не в первый раз насиловал девушку и точно знал, что делать. Я притворилась, что согласна.

– Хорошо, ладно, – сказала я ему ласково. – Дай я только сначала схожу пописать.

Мои слова раззадорили его еще больше (конечно, девчонка сама согласилась!), поэтому он позволил мне отойти. Я забила в самый дальний угол кузова, опустилась на корточки и выиграла себе немного времени. Я знала, как поступлю. Я спрятала в кулаке самый большой камень, который смогла найти, и легла рядом с этим уродом.

Едва он взобрался на меня, я угостила его ударом в самый висок. Раз! В голове у него помутилось. Два! Он свалился с меня. В тот момент я чувствовала себя воином из древних легенд – казалось, я способна на все. Я еще раз ударила своего врага и заметила, что у него из уха течет кровь.

Оказалось, что за нами наблюдал его дружок из кабины.

– Твою мать, что ты делаешь! – заорал он и стал подыскивать место, где бы припарковаться.

«Если он меня схватит, мне конец», – промелькнуло в моей голове. Подождав, когда грузовик немного притормозит, я с ловкостью кошки спрыгнула с кузова и помчалась что есть сил. Вслед мне доносился хриплый голос водителя: «Ты убила его! Убила моего друга!» Он гнался за мной сквозь колючий кустарник, но долго преследовать меня не смог – водитель был уже в годах.

Но он не сдался – вскочил обратно за руль и на всей скорости понесся сквозь пустыню. Я бежала в свете фар и буквально над ухом слышала мотор грузовика. Конечно, тот был быстрее. Мне удалось обмануть его, петляя зигзагами и меняя направление. Он потерял меня из виду и вернулся на дорогу.

Но я остановиться не могла. Страх не давал мне этого сделать, и я все бежала и бежала по пустыне, пока не наступил рассвет. Каким-то чудом я вновь оказалась на дороге. И хотя воспоминания прошлой ночи все еще заставляли меня дрожать, я понимала, что мне нужна машина. Нужно было

убраться подальше от этого места.

Видок у меня был тот еще – вся пыльная, в лохмотьях, со спутанными волосами, руками-ветками и убитыми ступнями в язвах. Я подняла руку и остановила дорогой «Мерседес». За рулем сидел щеголеватый мужчина.

– Куда едешь?

– А вон туда, – сказала я, забираясь на роскошное кожаное сиденье и указывая пальцем на горизонт.

Мужчина обнажил великолепные белые зубы и расхохотался.

2. Детство пастушка

До побега вся моя жизнь была сконцентрирована на природе, семье и животных. Особенно на животных – кочевые народы связывают с ними особые крепкие узы, поскольку от них зависит жизнь. Как и любой другой ребенок, я с самого детства очень любила животных. Мое первое детское воспоминание связано с козленком Билли. Он был таким же малышом, как и я, поэтому, наверное, я так сильно привязалась именно к нему. Тайком я подкармливала его, а семья только разводила руками – и чего он такой жирный?

На самом деле в моей дружбе с Билли не было ничего необычного. В Сомали уважительное отношение к животным выработано тысячелетиями кочевой жизни нашего народа. С ними мы рождаемся, растем, голодаем и страдаем от жажды (или наоборот) и умираем. Жизнь семьи очень тесно связана с жизнью стада. Детей в Сомали приучают ухаживать за животными с малых лет, как только они начинают ходить без посторонней помощи. В нашем стаде были и козы, и коровы, и овцы, но, конечно, самыми главными животными всегда были верблюды.

Верблюды в Сомали – все равно что корова в Индии. Об этом животном слагают легенды, песни и сказания. Многие из них передаются из уст в уста уже очень много лет, чтобы сохранить для новых поколений эту связь, идущую из глуби-

ны веков. Мама часто напевала мне одну песню: «Мой верблюд попал в руки дурного человека, тот убьет его или уведет из стада. И вот я плачу и молюсь: люди, сжальтесь надо мной, верните мне верблюда». Каждый сомалиец с колыбели знает – верблюда нужно беречь как зеницу ока.

Жизнь человека в Сомали измеряется верблюдами. Выкуп за убийство – сто верблюдов. Если род убийцы не заплатит семье пострадавшего, на них ляжет страшная месть. Выкуп за невесту отдают тоже верблюдами. Верблюд заменяет нам все: валюту, транспорт, супермаркет.

Ни одно животное на свете не приспособлено так к жизни в пустыне, как верблюд. Он может не пить неделями и все равно продолжает давать молоко, чтобы человек мог утолить и жажду, и голод. Он может пережить самый невыносимый зной. Еще одно неоченимое качество верблюда – он ест колючки и не отбирает траву у другого скота.

По характеру верблюды очень напоминают лошадей – они так же глубоко привязываются к хозяину и будут делать для него то, что не сделают ни для какого постороннего человека. Многие пытаются укротить молодых верблюдов – приучают носить седло, ходить в караване. С ними нужно быть твердыми: нерешительного наездника верблюд тут же сбросит или даже лягнет.

Мы каждый день отвоевывали у пустыни жизнь и постоянно были в пути, нигде не задерживались дольше трех недель. Такую жизнь диктовала нам необходимость забо-

титься о скоте. Мы вечно искали новые пастбища и источники воды. Мы, кстати, по меркам Сомали, считались зажиточными – наша семья владела большим стадом разного скота. Братья пасли крупный скот, а я с сестрами, как велит традиция, присматривала за мелким. Жили мы в плетеной из травы хижине, которую возили за собой с места на место. Из веток мы делали каркас, потом мама плела циновки из травы и укладывала сверху – получался купол шириной примерно метра два. Когда наступало время сниматься со стоянки, шатер разбирался и укладывался вместе с другими пожитками на верблюдов.

Хижина защищала малышей от ночного холода и нас всех от полуденного зноя. Там же мы хранили свежее молоко. Ночью в шатре спали только младшие, дети постарше ночевали на циновках под открытым небом – одеял не хватало, и мы грелись друг об дружку. Отец, как главный защитник семьи, спал чуть поодаль от остальных.

Вставали мы с первыми лучами солнца. Распорядок дня был всегда примерно одинаковый. Сначала нужно проверить загоны и подоить коз и коров. Доить нужно было так, чтобы хватило и нам, и детенышам – козлят и телят мы держали в разных загонах, чтобы они не высосали все молоко. Часть молока мы перерабатывали в масло.

После этого – завтрак из верблюжьего молока. Мы в основном питались им, потому что в нем содержится больше питательных веществ, например витамин С. В пустыне не до-

ждешься разнообразного меню, овощи или зерновые там не вырастишь. Иногда нам везло, и мы натыкались на бородавочников (это дикие африканские свиньи), которые вынюхивали и вырывали съедобные корнеплоды. Удавалось поживиться и нам.

Мясо мы не ели, только в самых крайних случаях – убийство животного ради него считалось расточительством. Для поддержания жизни мы дважды в день питались верблюжьим молоком, на завтрак и на ужин. Иногда молока на всех не хватало. Тогда его распределяли от самых младших к старшим. Мама никогда ни капли в рот не брала, пока не убеждалась, что всем досталось. Иногда мне казалось, что она вообще никогда не ест, хотя такого, конечно, быть не могло.

Мы были терпеливы и уповали на волю Аллаха. Подумаешь, не поужинали сегодня, ну и что? Малыши иногда начинали хныкать, но дети постарше понимали больше и потому молча ложились вечером спать. Завтра будет новый день и новый шанс. Мы знали, что наша жизнь зависит от природы и не в наших силах ее изменить, только Аллаху это под силу. Иншалла (как угодно Аллаху) – вот наша философия.

Иногда отец привозил домой целый мешок риса (большая редкость!). Еще мы ели масло, кашу, если удавалось выменять зерно на козу. Если рядом на стоянке вдруг оказывались другие семьи, мы обязательно делились друг с другом – складывались поровну финиками, зерном, корнеплодами,

мясом и все вместе готовили обед. Отчасти это было проявлением племенных чувств, отчасти продиктовано погодой – у нас же не было холодильников.

После завтрака наступало время для выгула скота. Я с шести лет в полном одиночестве водила на выпас в пустыню отару овец и стадо коз – около семидесяти голов. Это было несложно, животные охотно шли за мной. А на случай, если кто-то отобьется от стада, у меня была наготове длинная палка.

Выходить нужно было как можно раньше, чтобы найти хорошее место с водой и травой. Особенно важно побыстрее найти воду, пока до нее не добралось чужое стадо. Пустыня непредсказуема, следующий источник воды мог попасться на пути через неделю, а то и две. Поэтому я всегда ревностно следила, чтобы мои овечки и козочки напились вдоволь. В Сомали пастбища никому не принадлежат, поэтому я могла пасти свое стадо где угодно. Найти лучшее место мне помогали природные инстинкты – перед дождем обострялись все органы чувств настолько, что я могла предсказать его по особому запаху или дуновению ветра.

На пастбище приходилось внимательно следить за хищниками – около стада всегда вьются гиены. Особенно я боялась львов и диких собак, потому что они охотятся стаями. Вернуться домой нужно было засветло, но я частенько ошибалась и гнала свое стадо обратно к стоянке в кромешной тьме. Вот здесь гиенам было раздолье – они нападали то с

одной, то с другой стороны, и нередко им удавалось утащить пару козочек или овечек. В один из таких дней я потеряла своего Билли – гиены сожрали моего любимца.

Забота о стаде всегда была для нас самой важной задачей, и ни что – война, засуха, болезни – не могло нас от нее отвлечь. Крупные города Сомали то и дело беспокоили политические инциденты. Нас в основном это не касалось, до нашей глуши редко что-то доходило. Однажды мы все-таки столкнулись с солдатами, мне тогда было девять лет. Их лагерь был совсем рядом с нашим. Их было очень много, казалось, что весь горизонт состоит только из палаток, грузовиков и людей в военной форме. Мы относились к ним с недоверием – даже до нас доходили рассказы, как они насилуют девушек, – и старались держаться от них подальше.

Мне они очень не понравились, и с первого взгляда я возненавидела их. Возможно, они защищали Сомали от внешних врагов, но сути это не меняло.

Вечером, когда стадо благополучно добиралось до дома, наступало время дойки. На шею верблюдам мы вешали деревянные колотушки – их глухой перестук в сумерках для кочевника слаще любой музыки. В это время небо над пустыней окончательно чернеет, и на нем всходит яркий свет планеты, возвещая, что пора запираť скот в загонах. Во всем мире эту планету называют Венера, но на моей родине это Макал Хидхид, «время прятать ягнят».

В сумерках было сложно бороться со сном и усталостью,

глаза так и норовили закрыться. Вот тут-то со мной и случались всякие истории. Я засыпала на ходу и натыкалась на коз, дремала во время дойки коров, пытаюсь урвать хоть минутку отдыха. Если попадешься за таким отцу – пиши пропало. Отец довольно суровый человек и в таких случаях любил поколотить меня, чтобы неповадно было.

Наконец, когда все заботы были позади, мы разводили большой костер, усаживались вокруг, болтали и ужинали верблюжьим молоком. Такие вечера – мои самые счастливые воспоминания о Сомали: мама и папа, братья и сестры, все рядышком, все сытые и веселые. Никто из нас не думал о смерти, не жаловался на тяжелую судьбу. Жизнь в пустыне требует много сил и энергии, зачем тратить их на уныние?

Хоть мы и кочевали, я никогда не чувствовала себя одинокой. Мне всегда было с кем поиграть, потому что детей в нашей семье было много. Я была средним ребенком: брат и две сестры были постарше и еще несколько младших ребят. Мы никогда не сидели на месте: играли в салочки, в крестик-нолики, лазили по деревьям, раскапывали красивые камешки или ямки для африканской игры «манкала». У нас даже был свой вариант игры в бабки, только вместо мяча-биты и металлических рюх мы использовали камни.

Но самым большим счастьем было чувствовать себя частью природы, наслаждаться запахами, видами и звуками. Мы наблюдали за семействами львов, нежащихся весь день на солнышке. Мы гонялись за жирафами, зебрами, лиса-

ми. Особенно мы любили даманов – это маленькие зверьки, дальние родственники слонов. К лесным районам мы приближались редко, но если такое случалось, мы обожали наблюдать за слонами – могли часами глазеть на них с деревьев.

Как-то раз я нашла страусиное яйцо и решила утащить его домой, чтобы посмотреть, как из него вылупится страусенок. Но в итоге мне пришлось удирать от его мамы. Поверьте, это было сложно – эти птицы развивают скорость до шестидесяти километров в час! Тогда мне и моей голове здорово досталось от страусихи.

Но со временем в наших днях было все меньше счастья. Старшая сестра убежала из дома, брата отправили учиться в город в школу. Наступила засуха, ухаживать за скотом становилось все труднее. Моя семья, да и вообще жизнь подкинули мне много поводов для печали.

Особенно тяжело было наблюдать, как на твоих глазах умирают твои братишки и сестренки. Тогда в нашей семье было двенадцать детей, а сейчас осталось только шестеро. Сначала сразу после родов умерли двойняшки, потом шестимесячная крепкая малышка. Однажды я увидела, как мама стоит перед ней на коленях – выглядела малышка как-то совсем не так.

– Варис, быстро принеси верблюжьего молока! Варис, что ты стоишь, беги!

Я же стояла как вкопанная и не могла пошевелиться, так мне было страшно. Наконец я смогла отвести взгляд от сест-

ры и уйти за молоком, но в глубине души я понимала, что увижу по возвращении.

Так оно и оказалось. Когда я вернулась, малышка уже лежала без движения. Я снова на нее посмотрела и схватила пощечину от мамы. Она долго еще винила меня в ее смерти – думала, что во мне есть какая-то колдовская сила, которая навлекла на нее беду.

Но у меня ничего подобного не было, в отличие от одного из младших братьев. Он был очень необычным ребенком. Мы называли его Стариком, потому что, когда ему было шесть, он поседел. Старик был невероятно умен, к нам стекались люди со всей округи, чтобы попросить у него совета. Помню, сажали его по очереди к себе на колени и спрашивали: «Ну что, Старик, как по-твоему, будут дожди в этом году?»

Он правда никогда не дурачился и не вел себя как ребенок. Во всех его действиях чувствовалась мудрость и степенность старика. Старик умер совсем мальчишкой. Никто не понимал, почему это случилось, но все видели в этом глубокий скрытый смысл – он же не от мира сего, по-другому и быть не могло.

Мы, как и любая другая семья, были разными. Я, например, с детства слыла бунтовщицей за поступки, которые старшим (а особенно отцу) казались непозволительными. Как-то я с младшим братом Али сидела под деревом и ужинала белым рисом с верблюжьим молоком. Али быстро

справился со своей порцией, я же смаковала каждую ложку – рис мы видели нечасто. В моей чашке осталось совсем чуть-чуть, и я мысленно приготовилась насладиться этой последней ложкой, как вдруг Али выхватил ее из моих рук и жадно осушил ее. Недолго думая, я отомстила ему, вонзив нож в бедро – он ответил мне тем же. Но наказание в итоге схлопотала я, так как мой удар был первым. Шрамы у нас с братом остались до сих пор.

Один из поступков, за который я прослыла бунтаркой, связан с моим страстным желанием иметь пару ботинок. Обувь и сейчас остается моей навязчивой идеей – мой шкаф весь забит шпильками, сандалиями, кроссовками, мокасинами, сапогами. В нашей семье одежда была не у всех, а на обувь тем более денег не хватало. Ботинки были только у мамы. Как же я мечтала о таких же! Мои ноги были вечно в каких-то ссадинах, царапинах, синяках – некоторые следы остались у меня до сих пор. Однажды я наступила на острый шип, и он насквозь проткнул мне ногу. При этом с любой раной ты должен был исполнять свой долг и пасти скот – могу не могу, а что делать? Каждый день я представляла, как надеваю свои удобные ботиночки и гоню свое стадо на выпас. И мне не страшны ни колючки, ни змеи, ни скорпионы...

У отца было несколько братьев, один из них, дядя Ахмед, был очень зажиточным. Он жил в городе Галькайо, мы ухаживали за его верблюдами и стадом, а я лично пасла его коз. Однажды – мне тогда вроде было лет семь – дядя Ахмед при-

ехал к нам в гости, и я прямо попросила его о подарке. Он рассмеялся и ответил, мол, ладно, будут тебе ботинки.

Через какое-то время отец повез меня повидаться с ним. Мне тогда не спалось, и вообще я жутко переживала, ведь сегодня наконец исполнится моя мечта!

Я чуть ли не с порога кинулась к дяде:

– Ну что, где мои ботинки?

– Вот они, держи, – ответил мне дядя и протянул сверток.

Я развернула его и не поверила своим глазам. Внутри были обычные желтые шлепки!

– И это, по-твоему, ботинки? – Я заревела и со всей силы швырнула подарком в дядю – он попал ему прямо в голову. Отец попытался сделать грозный вид, но ничего не вышло, смех оказался сильнее. Его буквально согнуло пополам от хохота.

Дядя был возмущен:

– И это так ты воспитываешь детей? Ты только посмотри на нее!

Я же была невероятно зла: в каком-то диком, даже истеричном приступе ярости я набросилась на дядю с кулаками и что есть силы колотила его.

– По-твоему, *этого* я заслуживаю за свою работу? Пары этих дрянных шлепанцев? Я сбила ноги в кровь, выгуливая твоих верблюдов, а ты, ты... Да я уж лучше буду ходить босиком, чем носить этот мусор!

Дядя лишь закатил глаза и пробормотал:

– О Аллах! Что с этой девчонкой? – Шлепанцы он увез с собой.

Но я просто так не сдаюсь. Каждого родственника, каждого знакомого и незнакомого, держащего путь в Галькайо, я просила передать дяде Ахмеду: «Варис нужны ботинки!» Увы, прежде чем моя детская мечта сбылась, я прошла тысячи миль босиком.

Расскажу еще одну историю из моего детства. Она случилась за много лет до этого случая с дядей Ахмедом. Я тогда была совсем малышкой, мне было около четырех лет. К нам как-то заехал в гости близкий друг моего отца, Гюбан. Он был частым гостем в нашей семье. Взрослые беседовали в сумерках, и мама заметила, что пора гнать скот обратно – всходит планета Макал Хидид. Гюбан предложил свою помощь и позвал меня с собой.

Как я была горда собой! Меня, девчонку, а не моих старших братьев, выбрали в помощницы папиному другу. Взяв за руку, он повел меня к животным. Было уже темно, и мне было страшновато, поэтому я старалась держаться к Гюбану поближе. В какой-то момент он вдруг расстелил на песке куртку и сел. Я удивилась: темно же, нужно побыстрее разобрататься со стадом.

– Зачем ты сел? Уже темнеет, мы не успеем загнать скотину обратно.

– Мы все успеем, времени еще полно. Садись-ка лучше ко мне, – сказал он и похлопал по свободному месту рядом

с собой.

Я неохотно подошла к нему. Но затем решила, что сейчас отличный момент, чтобы послушать сказку, и попросила об этом Гюбана.

– Тогда расскажешь мне сказку?

– Сядь рядом, и расскажу.

Я согласилась, и тут же он попытался повалить меня на куртку рядом с собой.

– Нет! Я не хочу лежать, я хочу сказку послушать.

– Ну, хорошо, хорошо. Ложись, и я расскажу тебе сказку, какую только захочешь.

Я удобно вытянулась и зарылась ногами в песок. Небо над пустыней медленно превращалось из синего в чернильно-черное, ярко сиял Млечный Путь, вокруг с тихим бляением бродили овцы и ягнята. И вдруг надо мной склонилось лицо Гюбана, и все исчезло – небо, Млечный Путь. Даже овцы как будто замолчали.

Он сорвал повязку с бедер, протиснулся между моих ног, и я почувствовала, как в меня упирается что-то очень твердое и мокрое. Я вся похолодела от страха: что происходило, я не понимала, но догадывалась, что все это очень, очень нехорошо. Он все давил и давил, пока я не почувствовала острую боль.

– Отпусти, я хочу к маме!

В следующий момент меня всю залила теплая, тошнотворно пахнувшая жидкость.

Я в ужасе подскочила и схватила набедренную повязку, пытаюсь оттереться от этой вонючей жидкости.

– Ты что? Ты пописал на меня?

– Нет-нет, все хорошо, не переживай. Я же просто хотел рассказать тебе сказку, – прошептал он и схватил меня за руку.

Я вырвалась и побежала домой – быстрее, к маме! Он гнался за мной, пытаюсь остановить мой бег. Наконец я увидела стоящую у костра маму и бросилась к ней на колени.

– Варис, милая, что такое? – с тревогой спросила мама. – Гюбан, что с ней случилось?

– Да хотел ей сказку рассказать, а она испугалась и убежала, – ответил он беззаботно.

Я так хотела поделиться с ней, рассказать, что сделал этот папин друг. Но как объяснить то, чего не понимаешь? И я лишь крепче обняла маму. Лицо Гюбана ярко освещал огонь, на его улыбке плясали тени от костра – ненавистное мне лицо, которое я потом видела еще много раз.

– Варис, ну-ну, все хорошо. Не бойся, малышка, это ведь только сказка. Это все неправда. Гюбан, где же ягнята?

3. Жизнь кочевников

В Европе людям очень важно чувствовать связь с прошлым, чувствовать себя наследником мыслей и дел прошлых поколений. В Африке все по-другому. В Сомали не было единой письменности до самого тысяча девятьсот семьдесят третьего года. Писать и читать никто не умел – наш народ передавал знания потомкам из уст в уста, через сказания и поэзию. Самые важные знания ребенок получал от своих родителей. Плести сосуды для молока из высушенной травы меня научила мама. А папа обучал уходу за животными – как правильно пасти скот, как за ним ухаживать. Жизнь в пустыне полна забот, у нас попросту не было времени болтать о прошлом. Вся наша жизнь сконцентрирована в моменте: будет ли нам чем ужинать сегодня? Не болен ли скот? Все ли дети вернулись вечером домой? Куда идти с караваном, чтобы найти воду?

Наш жизненный уклад ничуть не изменился за тысячелетия – мы жили ровно так, как жили до этого предки наших предков. Мы не знали, что такое электричество, телефон, автомобиль, и уж тем более ничего не слышали про телевидение или Интернет. Наш мир был закрыт от постороннего вмешательства, и это очень влияло на наше мироощущение.

Как и все в моей семье, я не знаю точно, сколько мне лет. У сомалийского ребенка не так много шансов дожить до го-

да, поэтому никому даже в голову не приходит запомнить день его рождения. Мы в семье ничего не знали об общепринятых мерилах времени – календарях или часах. Мы ориентировались в мире по сезонам и движению солнца – очередность дождей подсказывала нам, когда пора менять стоянку, а положение солнца в небе определяло наш распорядок дня. Моя тень падает на запад – утро, а если тень подо мной – значит, сейчас день; а если она удлиняется, то пора бежать домой, иначе затемно не вернешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.